

одинаковым соотношением изофункциональности и взаимодополнительности данных способов номинации (4 общих и 4 специфичных семантических основания). Так, только для словообразования характерен выбор объектных отношений: *die Nase* 'нос' > *die Nasenspülung* '(мед.) промывание носа', *das Messer* 'нож' > *der Messerschmied* 'точильщик ножей', *die Seele* 'душа' > *der Seelenforscher* 'психолог (исследователь души)' и др. Прерогативу семантической деривации представляет, например, актуализация локативного сходства при обращении к наименованиям психических свойств: *die Seele* 1. 'душа' > 4. 'канал ствола огнестрельного оружия (расположен внутри ствола)'; 5. 'жила кабеля'. Общность словообразования и семантической деривации прослеживается при выборе партитивных отношений (*der Finger* 'палец' > *das Fingergelenk* 'фаланга пальца' – *die Pranke* 1. 'лапа' > 3. 'нижняя часть лапы'), опоре на сходство по внешнему виду (*der Hammer* 'молоток' > *der Wendehammer* 'Т-образный перекресток' – *der Keil* 1. 'клин, шпонка' > 3. 'клин ткани') и др.

Сопоставление словообразования и семантической деривации на материале имен существительных немецкого языка показало, что лексико-семантические характеристики производящих единиц, используемых в для порождения наименований, являются важным, хотя, по-видимому, не единственным фактором, оказывающим влияние на соотношение изофункциональности и взаимодополнительности ведущих способов номинации.

А. В. Сытько (г. Минск, Беларусь)

«СТАРАЯ ПЕСНЯ НА НОВЫЙ ЛАД»: МОДАЛЬНОСТЬ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА

«Закончен том, но не закончен его раздробленный сюжет». Эти строки Игоря Северянина точно отражают судьбу категории модальности в лингвистике, которая являет собой практически неиссякаемый источник материала исследования, находясь на пересечении двух бесконечных миров – субъекта и действительности. В. П. Руднев писал, что «состояние без модальности, это мертвое состояние» [1, с. 351]. Начиная с Аристотеля, о модальности написано огромное количество работ и высказано множество самых различных точек зрения, часто противоположных и не совместимых друг с другом. При этом каждое научное осмысление этого сложного феномена получает новые векторы развития, определяя области его научной рефлексии и разрабатывая свой подход к семантике и объему значений данной категории.

В основу лингвистических подходов к данной категории легла выделяемая в философии гносеологическая (логическая) модальность – способ *понимания*, суждения об объекте, явлении или событии. Она существует наряду с онтологической модальностью – способом *существования* какого-либо объекта или протекания какого-либо явления. Лингвистическая модальность базируется на логической и передает семантику отношения.

Модальное отношение может быть разного рода. Еще Аристотель, изучая взаимосвязь возможного и необходимого, выделил два основных вида модальности: условную, которая относится к возможности и безусловную, которая относится к действительности. Данная классификация сыграла важную роль для лингвистики, поскольку условная модальность является основой субъективной модальности (отношение говорящего к содержанию высказывания), а безусловная – объективной модальности (отношение сообщаемого к его реальному осуществлению). Эти два типа отношения четко определяются независимо от исследовательского подхода (логический/логико-понятийный, синтаксический, семантический, функционально-семантический, когнитивно-семантический, функционально-прагматический, коммуникативный, коммуникативно-прагматический), разница заключается в объеме включаемых значений в область объективной и субъективной модальности.

Семантика отношения содержания высказывания к внеязыковой действительности основывается на *точке зрения говорящего* (термин, введенный В. В. Виноградовым). Мир сам по себе фрагментирован и гетерогенен, и любая осмысленная система или убеждение являются субъективной интерпретацией. Наличие в семантике модальности точки зрения говорящего позволяет некоторым ученым рассматривать ее как чисто субъективную категорию (Н. Ю. Павловская). Думается, однако, что если бы модальное отношение зависело только от некоего говорящего, то каждый текст продуцировался и понимался бы только на свой лад.

Введение субъективно-модального значения в общую категорию модальности явилось важным «мостиком, переброшенным от предложения к высказыванию и тексту» [2, с. 115]. Поскольку тексты есть материальное воплощение дискурсов, то можно расширить данную мысль – мостик к дискурсу. Так, для описания дискурса Т. ван Дейк предлагает ряд «семантических структур или аналитических категорий» [3, с. 12–13], среди которых он отмечает модальность – эпистемическую и деонтическую. Первая относится к уровню знаний (знание, мнение, вера), вторая касается вопросов нормативной организации социальных взаимоотношений (долг, вынуждение, разрешение, запрещение).

Еще до эпохи постмодернизма в 40-ые гг. XX в. академик И. И. Мещанинов указал на то, что модальность есть «понятийная» категория, передающая понятия, существующие в данной общественной среде [4]. Следовательно, интерпретация определяется *социальным* окружением, значит, носит *дискурсивный* характер. Модальность, таким образом, есть представление действительности с точки зрения субъекта речи – «Я» говорящего, но с точки зрения, сформированной дискурсом. В результате, мы имеем дело с легко узнаваемым модальным планом текстов институционального дискурса политики, рекламы, науки и т. д., например:

(1) *И мы намерены, «собрав в кулак» весь опыт первых кооператоров, весь опыт поражений предпринимателей в борьбе с чиновниками, написать и провести в жизнь закон «О свободе предпринимательства». Записать в нем, что проверки **должны** быть комплексными. И не чаще, чем один раз в год.* [12]

(2) Если же подходить к сочетанию «грамматическая категория» как к специальному термину, то к определению рассматриваемого понятия **должны** быть предъявлены более строгие требования, предполагающие, что за данным понятием должен стоять определенный класс однородных грамматических объектов. [13]

(3) Вы уже слышали о таком понятии, как «умный дом»? Если нет, мы расскажем, что это такое и с чего **стоит** начать обустройство квартиры по новому принципу. Тем более что иногда это бывает действительно полезно и совсем не сложно. [14]

Несмотря на то что, как отмечает Р. Лангакер, дискурс есть такой объект исследования, который отражает мир, созданный субъектом [5], авторская субъективность составляет лишь «узел сетки» или момент всеобщей «дискурсивной практики», говорящий же есть «переменная и сложная функция дискурса» [6], его необходимое условие реализации. Субъект «подчинен» идеологии и «не знает» о зависимости своей речемыслительной деятельности от дискурса, он неизбежно становится полем реализации дискурса. Так, М. Пеше выстраивает детерминационную схему: «идеология – дискурс – субъект» [7, с. 288]. Дискурс формирует неизбежные ограничения коммуникативного поведения, «институты структурируют коммуникативное пространство» [8, с. 169]. Модальные элементы и семантики обусловлены социокультурно. При передаче модальности реализуется интерпретация мира не отдельным обособленным индивидом, а субъектом того или иного дискурса, опыт которого сформирован этим дискурсом. Точку зрения субъекта поэтому можно рассматривать как «модальную компетенцию, подвергающуюся различным трансформациям» [6, с. 26].

Такие характеристики дискурса как: соотнесение с определенной областью социального опыта, которую он наделяет смыслами; социальная локализация, в которой возникают эти смыслы; лингвистическая (или какая-либо другая) система сигнификации, при помощи которой эти смыслы продуцируются и циркулируются – в их взаимосвязи составляют *матрицу* дискурса [9, с. 266], именно она конструирует реальность согласно собственным образцам и формирует модальный план каждого конкретного дискурса. Это так называемая «идеологическая» точка зрения, которая обозначает способ существования текстов в дискурсе как явления скорее автономного по отношению к говорящему. В результате специфика и степень значимости модальных значений обнаруживает «сильную зависимость от дискурсивной “системы координат”» [10, с. 239], поскольку дискурс задаёт некий схематизм поведения, определяет ментальные установки и предполагает расстановку в нём акцентов. С лингвистической точки зрения «дискурс рассматривается как «система лексико-грамматических вариантов выбора, из которых тексты / авторы выбирают, что необходимо включить или исключить и как оформить» (курсив наш) [11, с. 108].

Таким образом, лингвистическая модальность имеет дело с семантикой модального отношения как способа представления, который не является вопросом правды или реальности, но вопросом о том, каким образом это представление интегрируется в идеологическую систему говорящего и фор-

мулируется дискурсом. Выражение модальности создается при активном общении субъекта с социальной средой. Следовательно, любая модальная семантика всегда характеризуется идеологической, дискурсивной окрашенностью. Дискурсивная форма, таким образом, полагает различные эвристики отбора тех или иных языковых элементов для оформления модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руднев, В. П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы / В. П. Руднев. – М. : Территория будущего, 2007. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 528 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
3. *Dijk, T. A. van* The study of discourse / T. A. van Dijk // Discourse as structure and process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Sage, 1997. – Т. 1. – Рр. 1–35.
4. Мещанинов, И. И. Понятийные категории и грамматические понятия / И. И. Мещанинов // Вестник ЛГУ. – 1946. – №1. – С. 7–24.
5. *Langacker, G. W.* Foundations of Cognitive Grammar / G. W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – 540 p.
6. Фуко, М. Что такое автор? [Электронный ресурс] / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М. : Касталь, 1996. – С. 7 – 47. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/84170>. – Дата доступа : 10.08.2018.
7. Пеше, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пеше, перевод с фр. Л. А. Илюшечкиной // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. общ. ред. П. Серио. – Изд-во: М.: Прогресс, 1999. – С. 225–291.
8. Спиридовский О. В. Устойчивость и динамичность в политическом дискурсе / О. В. Спиридовский // Политическая лингвистика, 2012. – 4 (42). – С. 168–174.
9. Греймас, А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. – М. : ЛКИ, 2007. – 336 с.
10. Задворная, Е. Г. Дискурсия [Электронный ресурс] / Е. Г. Задворная // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с. – Режим доступа : <http://textarchive.ru/c-1069760-pall.html>. – Дата доступа : 14.08.2018.
11. *Benwell, B.* Discourse and Identity / B. Benwell, E. Stokoe 1st ed. Edinburgh: Edinburgh University Press. – 328 p.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

12. Программа движения «Развитие предпринимательства». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.aif.ru/money/mymoney/umnyu_dom_dlya_legkoy_zhizni_kak_i_gde_vybrat_nachinku_dlya_takogo_zhilya – Дата доступа : 09.09.2018.

13. Бондарко, А.В. Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании/ Бондарко А. В., Шубик С. А. (отв. ред.). – С.-Пб.: Наука, 2000. – 346 с.

14. Реклама «Умный дом». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://drprf.ru/programma-dvizheniya/> – Дата доступа : 09.09.2018.

Ю. Л. Шкляр (г. Минск, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОМПОНЕНТОВ АДЪЕКТИВНОЙ СИНТАГМЫ

Анализ семантического согласования между прилагательным и существительным в их минимальных лексических синтагмах неизбежно ставит вопрос о характере смысловой субординации между ними. Как известно, из числа характеризующих словесных знаков имя прилагательное «является в высшей степени синсемантической лексической единицей» [1, с. 212]. Происходит это вследствие того, что понятие признака, выражаемого прилагательным, «как по логике вещей, так и по логике мышления имплицитно некую субстанцию, предмет, которым этот признак должен быть приписан» [2, с. 53]. Тем самым синтагматическая связь с существительным оказывается для прилагательного «языковой неизбежностью», ибо наличие имени существительного является необходимым для реализации его значений. Структурная детерминированность прилагательного существительным, однако, не раскрывает характера взаимоотношения семантики данных лексических единиц внутри адъективно-субстантивных словосочетаний.

В современном языкознании нет однозначных решений по данной проблеме, и этим объясняется тот факт, что в силу своей сложности и неопределенности вопрос о характере смысловой субординации между членами атрибутивных сочетаний не перестает быть предметом дискуссий среди исследователей. Так, одна группа лингвистов отмечает влияние существительного на семантику сочетающегося с ним прилагательного и считает, что от существительных исходит семантическое указание к прилагательному [3; 4]. Существует также и другая точка зрения, согласно которой имя прилагательное в лексической синтагме с существительным не всегда занимает подчиненное место, что проявляет относительную автономность своей семантики [5, с. 113; 6], а в некоторых случаях может даже выступать носителем семантического центра словосочетаний. Таким образом, отсутствие в языкознании единого мнения относительно характера взаимоотношения семантики сочетающихся между собой прилагательного и существительного приводит к необходимости дальнейшего детального изучения данного вопроса.

При исследовании характера смысловой субординации между многозначными прилагательными и существительными внутри атрибутивных комплексов мы подвергали анализу не только семантически корректные фразеосочетания, но также и такие, когда сочетаемость слов с точки зрения семантических отношений представлялась невозможной. В результате ком-